

A photograph of an elderly man with a long white beard, wearing a brown jacket, sitting on a rocky shore. He is looking out over a body of water towards a forested hill. In the foreground, a tabby cat is sitting on the rocks. The background features a lake, a rocky shoreline, and a hill covered in trees with some autumn foliage. A small building is visible on the hill.

Глеб Чернов

Эстафета

Глеб Чернов

Эстафета

<https://litres.ru/74410072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество не погибло от войны или болезни. Оно просто перестало рождаться.

Спустя полвека после эпидемии «ночайлд» старый дантист Сэм Брейд доживает свой век в доме на берегу озера Эри — среди пустых городов, одичавшей природы и воспоминаний о жене, мечтавшей стать матерью. Его единственные близкие — кошки: Марго, способная говорить без слов, и её потомки, в которых просыпается разум.

Но новому народу предстоит сделать первый самостоятельный выбор. Повторит ли он путь людей — путь силы, страха и бесконечного захвата? Или сумеет сохранить главное, чему научил Сэм: тепло не принадлежит тому, кто его накопил. Оно живёт, только когда им делятся.

«Эстафета» — история о конце человечества, рождении нового разума и надежде, которая не умирает вместе с прежним миром.

Содержание

Глава первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Чернов

Эстафета

Глава первая

- Совершенно не обязательно торчать все утро перед открытым окном, да еще и на сквозняке, - Сэм прошел в комнату, по-старчески шаркая домашними туфлями, сопя и прихлебывая на ходу из кружки утренний кипяток, сел в кресло и посмотрел на Филиппа. Тот неподвижно лежал на подоконнике, глядя в оконный проем, и только кончик хвоста нервно подергивался от нетерпения.

- Если бы ты не был таким упрямым несносным мальчишкой, то, возможно, мог бы посидеть у меня на коленях, пока никто не видит.

Фил повернул голову и посмотрел на Сэма, зрачки его расширились, отчего глаза стали отчетливо видны на фоне ярко-рыжей шерсти.

— Если отец учует, что я сидел на тебе, он мне уши оборвет.

— Я мог бы сказать ему, что ты согревал меня.

— Нет, - Фил лениво зевнул и отвернулся к окну, - сегодня его лучше не злить.

Сэм отхлебнул из кружки и неодобрительно покачал го-

ловой. Всю ночь он не спал, его мучал кашель, и теперь в груди неприятно саднило, а голова раскалывалась на части. Сейчас он готов был расстаться с любой из своих вещей за банку растворимого кофе, но где же его теперь взять, этот чертов кофе? Еще лет десять назад он мог бы отыскать поблизости заправленный автомобиль и съездить в бывший город, но теперь это было затруднительно. Когда глаза слезятся, а ноги того гляди перестанут тебя слушаться, садиться за руль - чистое безумие. Да и припасы в бывшем городе наверняка уже испортились или растащены крысами.

- На нашей территории крыс нет. Охотницы позаботились об этом, - заметил Фил

- Нечего встревать в чужие мысли, лежишь себе и лежи! Мал еще замечания мне делать!

Сэм отхлебнул еще и поставил кружку на столик возле кресла. Раздражение сменилось досадой, он недовольно потряхнул головой, седые длинные волосы разметались по плечам, он сплел пальцы и сложил руки на животе. И чего он сорвался на парня? Наверное, это старческая раздражительность дает о себе знать. Все-таки семьдесят два года - это не тридцать.

В нынешних обстоятельствах Сэмюэль Энтони Брейд был человеком весьма почтенного возраста. Годы не пощадили его спины и ног, поэтому от прежних шести с половиной футов роста осталось чуть больше шести, однако ни возраст, ни пережитые невзгоды не смогли смягчить его прямолинейный

и жесткий характер. Мистер Брейд в свои семьдесят с хвостиком был все еще широк в плечах, его длинные, массивные руки с широкими ладонями и узловатыми суставами пальцев хоть и потеряли былую хватку, по-прежнему верно служили ему. У него были длинные волосы, которые Сэм связывал на затылке узлом, когда было не лень. Половину лица скрывала борода, подстриженная настолько аккуратно, насколько это позволяло ослабевшее зрение и старые, затупившиеся ножницы. Видавшая виды клетчатая рубашка была заправлена в грубые холщовые штаны, поддерживаемые подтяжками, самодельные войлочные шлепанцы надеты прямо на босу ногу. Сэм закрыл глаза и откинулся на спинку массивного кресла, оббитого когда-то черной, а теперь потертой и полинявшей кожей, и закрыл глаза. Несмотря на пошатнувшееся здоровье и многолетнее одиночество, Сэму все еще удавалось сохранять рассудок и память. Да, он отчетливо помнил каждое событие своей долгой жизни, и даже те времена, когда в городе еще было полно народу. Он помнил, как у Хендерсонов родилась двойня. Городские власти устроили банкет прямо в заброшенном супермаркете, на который пригласили чуть ли не всех жителей города. Мэр самолично назвал братьев Хендерсон Роджером и Реджинальдом и вручил родителям сертификат «Почетные жители Буффало». Еще бы, все-таки это были первые дети почти за двадцать лет. Какой это был год? Сороковой или сорок первый? Кажется, сорок первый. Все правильно: Рэджи и Родж Хендерсоны были пер-

выми новорожденными американцами за двадцать лет после начала эпидемии. Тогда многие заговорили о том, что трудные времена проходят, что скоро все будет как прежде. Даже Маргрет, его рассудительная и спокойная Маргрет приволокла домой груды распашонок, сосок, подгузников и прочей ерунды, которой обычно окружают новорожденных. Она остановилась у раскрытого багажника, поймав его недоуменный взгляд, прижала к груди пакет с вещами и сказала: «Ну, а вдруг». Сэму тогда впервые стало жалко жену. Он только кивнул и продолжил ковыряться в забарахлившей газонокосилке.

Братья Хендерсон умерли примерно через полгода. Медики так и не смогли объяснить, почему два отчаянно розовощеких бутуса, находившихся под постоянным присмотром врачей, одновременно перестали дышать так, будто кто-то нажал на кнопку и выключил их обоих. В тот день они с Маргрет молча просидели весь день, обнявшись. Она не плакала, просто сидела, уткнувшись носом ему в плечо, и руки у нее были холодные-холодные. Потом они легли спать. Часа в четыре утра она выскользнула из-под одеяла, подошла к комоду, выдвинула заветный ящик, в котором хранила детские вещички, решительно собрала все в пакет и вынесла на свалку. На обратном пути запас холодного остервенения у нее иссяк, и она проплакала остаток ночи, сидя на полу в прихожей и кутаясь в халат. Сэм старательно делал вид, что спит.

Приступ кашля накрыл волной, заставляя согнуться пополам и вцепиться пальцами в подлокотники. Воздух со свистом вырывался из легких, обжигая горло и выдавливая слезы. Когда кашель отступил, Сэм открыл глаза, в комнате все было по-прежнему. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь крону дерева, рисовали на полу ажурный дрожащий узор, Фил все еще валялся на подоконнике, тишину нарушали лишь шелест листвы, да голоса птиц. Ничего не изменилось. Ничего не изменилось в этом мире за прошедшие пятьдесят лет. А мы, наивно полагавшие себя любимыми детьми природы, думали, что без нас все рухнет в тартарары. А вот поди ж ты, старушка Земля даже и не заметила, как самый могущественный и опасный из населявших ее видов сошел на нет. Сэм взял со столика кружку и заглянул в нее. Пустая. Идти на кухню, разжигать в печке огонь, снова кипятить воду было лень. Да и уголь надо бы поберечь. Его, конечно, еще много на заброшенном причале, но туда идти два квартала, а это теперь не самая легкая задача. Нет, решено - сегодняшний день объявляется воскресением. Он будет сидеть вот в этом кресле и не станет утруждать себя ничем, даже приготовлением ужина. Пропавши оно все пропадом, надо же когда-нибудь и отдохнуть! Сэм решительно вытянул ноги, закрыл глаза и снова предался воспоминаниям.

Все началось в двадцать втором. О, это были благословенные времена. Сэму было двадцать, он учился на медицинском факультете, жизнь была прекрасна, а самое главное -

людей вокруг было не продохнуть. Теперь в это уже трудно было поверить, но в одном студенческом кампусе в двадцать втором народе было больше, чем во всем Нью-Йорке в тридцать девятом.

Началось все очень просто: в один прекрасный день к нему в комнату ворвалась его тогдашняя пассия Салли Пичман (ничего особенного, но темперамент просто фантастический) и с порога затараторила: «Сэм, ночайлд докатился до Штатов! Флориду накрыло!» Помнится, он в ответ сморозил какую-то глупость типа: «Так поехали туда на каникулы, а резинки оставим здесь» - и заработал оглушительную пощечину.

История о таинственной эпидемии, в результате которой женщины все как одна переставали беременеть, уже с полгода циркулировала по всем новостным каналам. Ученые утверждали, что это вирус наподобие СПИДа, политики, как обычно, обещали справиться с этой проблемой сразу после выборов, а религиозные фанатики вопили, что близится конец света. Впрочем, как раз на конец света это походило меньше всего. Все вокруг дышало, цвело и размножалось как обычно, кроме человека. Будто бы матушка-природа окончательно отчаялась вразумить свое самое беспокойное и непутевое дитя и оставила его на произвол судьбы. Начавшись где-то на Дальнем Востоке, эпидемия, тут же окрещенная газетчиками «ночайлд», за пять-шесть месяцев охватила всю Азию и перекинулась на Европу. Рождаемость

на всем континенте упала в десятки, а кое-где и в сотни раз. Медики собирали один конгресс за другим, но все безрезультатно. Обнаружить загадочный вирус не удавалось. Совет безопасности ООН, Юнеско и прочие авторитетные организации заседали непрерывно, а публика с тревогой глотала новости и слухи.

Однако студента Сэма Брейда все это совершенно не волновало. Пиво, супербол и девчонки в его личном рейтинге интересности находились гораздо выше каких-то там проблем с воспроизводством, да еще и в Азии. Что из того, что китайцы за одно лето скатились с первого места в мире по количеству новорожденных на сорок девятое? Их и так уже слишком много. Вечеринка у Дейва, например, гораздо важнее, чем какие-то азиатские младенцы, которые только и делают, что вопят и гадят и от которых, наверняка, ужасно пахнет. И потом, будущего дантиста не должно интересовать ничего, что находится не во рту.

Удивительно, насколько глупы и беспечны бывают люди в двадцать лет. Сэм поморщился и потер грудь, легкие все еще отзывались жжением на каждый вдох. «Чертов кашель, когда-нибудь он меня доконает», - подумал Сэм, вытер рукавом глаза и снова сложил руки на животе.

Справедливости ради, надо сказать, что в тот момент, когда Салли съездила ему по лицу, он впервые серьезно задумался о происходящем. То ли это пощечина так подействовала, то ли осознание того, что проблема уже близко, но оста-

ток дня Сэм провел в библиотеке с учебником по акушерству. Целый день он прикидывал на листке бумаги возможные последствия и в конце концов пришел к тому, что в ближайшие лет двадцать пять ночайлд не скажется на его зубоврачебной практике, а к тому времени либо ученые и политики что-нибудь придумают, либо он накопит достаточно средств на безбедную старость.

- Он идет.

Сэм открыл глаза в тот самый момент, когда в оконном проеме возник Поллукс. Он мягко приземлился на все четыре лапы и коротко глянул на Фила.

- Тепла тебе, Отец. А ты подожди снаружи, Малый.

- Да, Большой Страж.

Филипп слегка пригнулся, прижал уши, соскользнул с окна на ветку дерева и исчез из виду. Пол привычно потерся щекой об оконную раму и в два прыжка оказался на коленях у Сэма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.